

Людвик Вацулик

КОММУНИЗМ — ЭТО БИТЬЕ

БОЛЬШЕ сотни лет призрак коммунизма бродит по Европе, а заканчивает он у нас искренним проявлением своего характера: избиванием людей на площади. И ошибается — если только не лукавит — советский драматург Шатров, когда в «Диктатуре совести» («Рабочий театр» в Злине) представляет дело так, словно благородную идею коммунизма следует лишь очистить от зла; ничего из этого не выйдет — это само зло.

Я на ту площадь не пошел, потому что наверняка бы влип в ситуацию, в которой меня бы убили. Говорят, люди кричали им: «фашисты» и «гестапо». Это не так! Они жестоки не оттого, что нервы у них отказали или они вышли из-под контроля, они не «такие же, как фашисты». Они бесчеловечны независимо и самостоятельно, по собственному своему характеру, воспитанию и предназначению. Поэтому в следующий раз кричите им: «коммунисты». Тогда они даже не оскорбятся — ведь, по словам Готтвальда, осел не может обижаться, когда его называют ослом. И еще, они жестоки не только когда бьют, они всегда такие: когда участвуют в бесконечных собраниях, обмениваются опытом, читают лекции, воспитывают, вещают по радио. А в том виде, в каком они себя показали, они просто верны своему слову. «Руководящая роль принадлежит нам», — провозглашают они ex cathedra, а кто этого не признает, того они избьют — такое у них правило. Ведь слово «руководить» у них означает «бить». Да, после века просвещенного гегельянства коммунизм, припертый к стене последствиями собственных деяний, кончает избиванием людей — это заложено в его философских генах. А уж когда эти гены сливаются с биологическими генами остравских «крутых ребят», коммунизм расцветает красным маком.

Впрочем, они всегда кого-нибудь били, только делали это тайно, за закрытыми дверями, без ведома остальных или с их порочного ведома. В этом смысле последние события — это шаг вперед, выход из тьмы на свет. Вообще власти здорово на нас поработали: после двадцати лет замалчивания любого гражданского несогласия они представили «Хартии-77» и другим группам место в СМИ, популяризовали некоторые славные имена. Даже пробудили в молодежи интерес к Яну Палаху! «Руде право» напечатало со злым умыслом поэтическую программу «Чешских детей», однако она очаровала многих читателей, ибо в навозном словесном окружении она журчала как лесной родник.

Но нас гнетет одна мысль: откуда взялось столько зверей в униформе и в штатском, кто их так воспитывал и направлял? После того как уйдет это правительство временщиков — куда нам деть столько дефектных личностей? Сегодня на западе и на востоке зарождается идея «общего европейского дома», и первые рамочные правовые акты обрисовывают фундамент более человеческого порядка в нем. В этом доме поступки криминального характера со временем предстанут перед судом. Тысячи преступников, обвиняемых в жестокости при исполнении служебных обязанностей, наверняка прибегнут к пресловутому «нюрнбергскому оправданию»: я, мол, выполнял приказ. Так постараемся же провести в будущий европейский кодекс законов еще один параграф: тот, кто осмелится выполнить бесчеловечный приказ, будет лишен гражданских прав.

5.2.1989

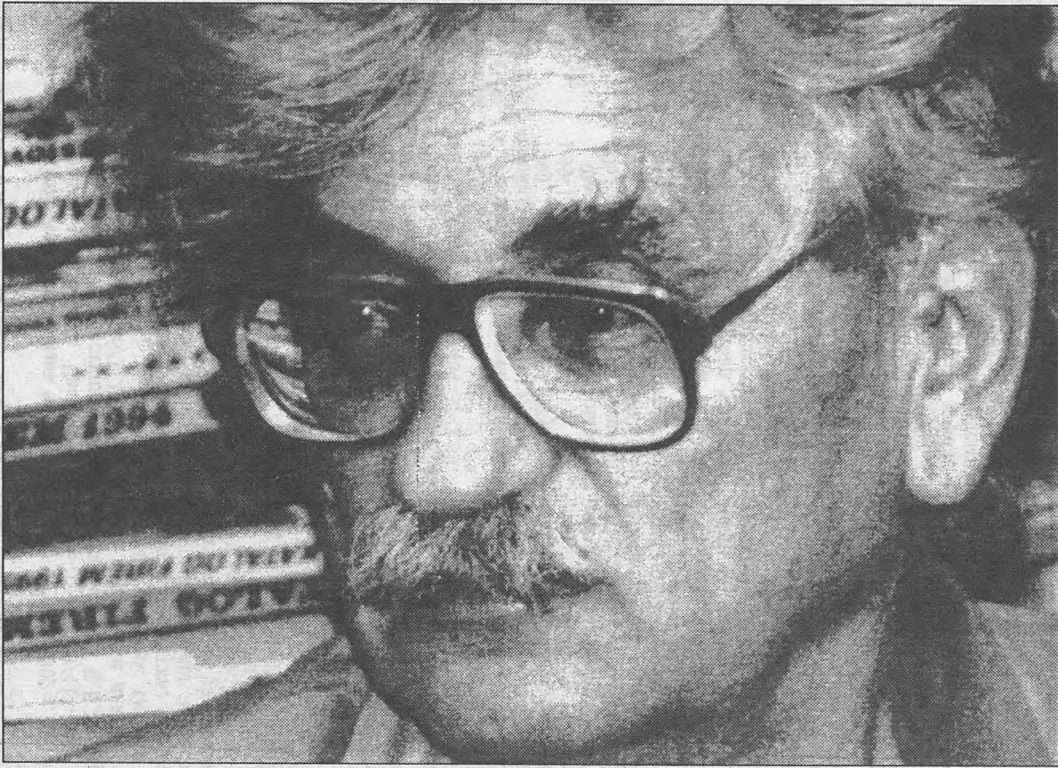
**СДАВАЙТЕСЬ,
ВАМ НИЧЕГО НЕ БУДЕТ!**

Насчет упадка государства, общества, экономики и природы все мы делаем какие-то выводы, но самые поверхностные выводы делает наша коммунистическая партия, которая вела нас вперед

ЧЕШСКИЙ ВАРИАНТ

Причины остались или же возвращаются

Людвик Вацулик (р.1926) — известный чешский писатель, фельетонист и публицист. Из его публицистической прозы наибольшую известность получил манифест «Две тысячи слов». Вацулик подвергался политическим преследованиям с 70-х гг., когда им было основано издательство Edice Petlice, выпустившее в свет более 400 названий книг, и подписана «Хартия-77». Ему было запрещено официально публиковаться до ноября 1989 г. В 1996 г. награжден орденом Т.Г. Масарика. 6-11 ноября Людвик Вацулик был в Москве и участвовал в Днях чешской культуры, приуроченных к 10-летию падения Берлинской стены и «бархатной революции» в Чехословакии.

Людвик Вацулик.

на этом пути к упадку. Всякий раз, когда под бременем последствий партия в очередной раз признает свои ошибки — разумеется, отдельные, — она, как ни странно, тут же выделяет для себя очередную «ведущую роль». То есть она оговаривает за собой право на вечные ошибки, хотя у нас всегда были и есть люди, которые их сразу видят или даже предвидят.

А в чем, собственно, оправдала себя так называемая солидарность наших коммунистов в их ведущей роли? Думаю, что ни в чем, кроме как в сельском хозяйстве — да и в нем вряд ли. Сельское хозяйство в состоянии нас прокормить, чего никак не скажешь о Польше и Советском Союзе — но надо ли нам на них равняться? Кроме того, экономисты могли бы привести нам убийственные данные об эффективности нашего сельскохозяйственного производства и о качестве его продукции. А у меня никак не выходит из головы, что этот способ массового производства погубил деревню и крестьянское сословие: это был моральный геноцид. Никому теперь не дороги эти отчужденные, обезличенные поля, точнее говоря, никого не облагораживает личное отношение к ним, каждого интересует только прибыль. Простой землепашец, зажиточный крестьянин или помещик — никто из них не позволял себе получать прибыль ценой уничтожения самой сути своего труда. С животными сегодня обращаются просто преступно, но этот вопрос коммунисты не обсуждают. А когда они говорят, к примеру, о развитии транспорта, строительстве дорог и улучшении суходолжности рек, то это лишь задов проблемы, а начинать нужно с передка — с ограничения потребления и производства, с разгрузки транспорта, возврата рек в привычное для них извилистое русло и так далее. А это всем известно и без коммунистической партии. Систему образования партия перекраивала раз пятьдесят и довела ее до ручки, здравоохранение не удовлетворяет ни здоровых, ни больных. Культура сорок лет ведет образ жизни утопающего: вынырнет на секунду и делает сулорожный влох, чтобы выдержать убийственные минуты под водой. Они

сейчас сняли запрет с некоторых авторов, но до этого двадцать лет утверждали, что никого не запрещали. Благодарить за снятие запрета — все равно что одобрить запрет. Сейчас они говорят, что мы повернулись спиной «к обществу»; но мы стоим на тех же позициях, что в шестьдесят восьмом, а вертелось-то они. Назовите мне хоть одно дело, затеянное коммунистической партией, которое принесло бы хорошие плоды. Даже если припомнить что-то хорошее, красивое, возникшее за это время, невольно вздохнешь при мысли, что без ее руководства все бы делалось быстрее, дешевле и лучше. Например, вагоны в нашем метро могли бы быть легче.

Эту статью я пишу, стараясь избежать оскорбительных слов. Дело в том, что после статьи «Коммунизм — это битье» меня вызвал следователь из ГБ и сказал, что мог бы привлечь меня к ответственности, но скорее всего не станет, потому что, мол, в моих фельетонах всегда есть что-то, заслуживающее внимания, однако на этот раз я, мол, утратил обычную рассудительность. Тут я призадумался. Не писать я не могу, но и не хочу вести себя так, будто этого предупреждения не было. Делать вид, что со мной ничего не может случиться, я тоже не хочу. Опять же, нехорошо было бы пользоваться привилегиями, когда других преследуют и за меньшие грехи. Но после того, что произошло в Грузии и в Китае, я мог бы написать «Коммунизм — это битье», том второй. Однако я лучше вернусь на родную почву.

Все мы ждем, что советское правительство отречется наконец от брежневской доктрины и назовет вторжение в Чехословакию в августе 1968-го ошибкой или преступлением. Если бы наши коммунисты хотели быть на высоте, они бы его в этом опередили. Но об этом даже говорить смешно, потому что в свое время они по ответу на единственный вопрос: «Что вы думаете о вступлении войск...» — сортировали людей на непокорных горленов и покорное дерьмо. Ведущая сила, отдающая предпочтение дерьму, — куда она повелет народ!

Это неправда, что без ее руководства настал бы хаос, что не с

кем сесть за один стол, некому предложить сотрудничество или спокойно передать власть. Сейчас такой шаг еще был бы воспринят народом с одобрением (хотя и незаслуженным), но позже может быть хуже. И неправда, что нет людей, способных сразу же со всей ответственностью взяться за дело, как об этом иногда судит оппозиция: невозможно, мол, с ходу найти и воспитать людей с политической и организаторской жилкой. Думаю, что сами правительственные институты и органы бы могли набить квалифицированной оппозицией — оппозицией разума без предварительного условия «ведущей роли». Достаточно дать дорогу разуму, и он сам, естественным образом, возьмется за руль! Я наблюдаю за человеком по имени Адамец и при всем уважении к его чертовски сложному положению жду, на что он способен, как долго выдержит, когда разочаруется или придет в отчаяние от «руководящей роли коммунистической партии». Я желаю ему успеха, даже если этим успехом будет всего лишь своевременный и знаменательный уход ради спасения чести, хотя, конечно, желаю ему и более значительных успехов.

Коммунистическая партия, эта самая сильная группа давления, сорок лет опирающаяся на чужие державы и управляемая их дипломатами, использующая их идейно-диверсионные центры и радиостанции, оплачиваемая по высшему разряду, готовит нам теперь новую конституцию. Значит, опять она хочет раньше нас всех дорваться до рукоятки или приклада этого инструмента. Вторглась на конституционную территорию и тут же норовит застолбить свою заявку: руководящую роль для своих детей и внуков. Ну, а уж с этим свободным мышлением и гордым чехословаком не примирится! Никаких руководящих ролей в конституции, ни для кого! Вместо этого в конституцию должны войти параграфы, которые запретят использовать армию против собственного народа и исключат возможность того, что наших детей когда-нибудь используют, как русских в Грузии или кубинцев в Анголе. Разве это не прогрессивная мысль?

Вопрос о новой конституции пусть решает всенародное голосование, потому что у парламента в его нынешнем составе нет для этого достаточной демократической квалификации. По-моему, это здравая мысль, и мы, конечно же, не станем мешать даже коммунистам претворять ее в жизнь.

12.6.1989

ПОЛЬЗА ОТ КОММУНИСТОВ

Коммунизм у нас пал десять лет назад, но причины, по которым он когда-то наступил, остались! Думаю, социализм действительно был возможностью организовать более разумное и справедливое общество. Но это была возможность чисто теоретическая: практически мы были под диктатом «социализма», порожденного в другом месте, где он возник путем насилия. У нас склонность к социализму была естественной, и, пожалуй, достаточно было бы открыть ей более свободный путь. Например, сельскохозяйственную кооперацию незначительно импортировать из Советского Союза. Но воинственная концепция «построения социализма» погубила естественное развитие.

Причины, по которым у нас возник социализм, после переворота 1989 года остались или же возвращаются. У нас опять появилась безработица. На некоторых предприятиях рабочие не получают вовремя зарплату. Трудовое законодательство действует только в зависимости от воли работодателя, и люди боятся критиковать хозяина, чтобы не оказаться за воротами. Особенно возмущает меня поведение новых богачей: в погоне за прибылью они порой не гнушаются преступлением. Деньгами можно завалить любое голосование, обойти любое законное препятствие, заглушить общественное мнение. И никто из предпринимателей уже не считает, что его деятельность является, помимо прочего, служением обществу. Короче, капитализм был и остается плохим...

И тем не менее многие из нас, и я в том числе, выбрали его и будем, чертыхаясь, избирать и дальше. Голосуем за какую-то свою правую партию, но это нас не радует: нет уверенности, что люди, которых мы выбираем, оправдают наши ожидания. В сущности, мы всегда голосуем против того, чего мы не хотим, и уж это мы знаем лучше, чем то, чего мы хотим. При выборах происходит одна любопытная вещь, не уверен, что на нас обращают внимание: когда мы голосуем против чего-то и побеждаем, перемена наступает сразу же. Но того, за что мы голосовали, нужно дождаться чертовски долго, и кто знает, наступит ли оно вообще. Приходится набираться терпения, голосовать снова и снова, а потом жаловаться победителям, давить на них, критиковать, подталкивать в спину. Какой смысл через четыре года голосовать против них: уж лучше мы заставим их лучше работать и лучше вести себя. Я пришел к выводу, что улучшенная общественная система, которую мы искали в социализме, может возникнуть только, если мы заставим капиталистов вести себя социалистически! Кстати, вы чувствуете это давление на них?

В последнее время растут прокоммунистические настроения, и многих это пугает, но не меня. Люди, готовые голосовать за коммунистов и вернуть им власть, опять знают только, против чего они выступают, но, похоже, плохо представляют себе, что будет потом. Коммунисты уже не смогут делать, что им вздумается, в одиночку им правительство не сформировать, и февраль 48-го повториться не сможет — по причинам как внутренним, так и внешним. А когда коммунист не держит в своих руках цензуру и полицию, сила у него уже не та. Я их растущее влияние расцениваю положительно: они могут наконец-то припугнуть наших капиталистов. И лучше, чем мы, голосующие за них. ■

(«Мосты», 7/99)

Перевод
Юзефа ПРЕСНЯКОВА